

Хранитель тайн алтайских шаманов

В списке кандидатов — соискателей на получение Государственной премии 1994 года с радостью увидели имя Эдуарда Алексеева, одного из наших крупнейших этномузыковедов. С конца 50-х годов он побывал примерно в 80 фольклорных экспедициях — начинал с якутских песен и ритуалов, потом отправился к родственникам якутов: хакасам, алтайцам, тувинцам. Даже в Монголии побывал. В 80-е годы вместе с оператором Андрисом Слапиньшем (позже трагически погибшим) записывал и снимал на киноплёнку последних якутских, алтайских, эвенкийских шаманов. Ездили по тундре на оленях, на собачьих упряжках... Потом были записи сванской, менгрельской народной музыки, русских песен...

Эти "поездки за песнями" нашли свое теоретическое осмысление в книгах, написанных Э. Алексеевым. Три из них ("Раннефольклорное интонирование", "Фольклор в контексте современной культуры" и "Нотная запись народной музыки") как раз и выдвинуты на соискание Госпремии.

стве от знакомых, близких. Только песни сорок лет дремали, чтобы потом неожиданно "ожить".

Впрочем, и самой фольклористике часто приходится приспосабливаться к обстоятельствам, менять курс. Иной раз даже приумолкнуть на время, заняться сортировкой накопленного, собранного — архивной работой. Так было, к примеру, в конце 50-х, когда фольклор угасал, казалось, просто на глазах. А потом пришли 60 — 70-е — народную песню записали в городах, ею увлеклась молодая интеллигенция. Парадокс: деревенские стеснялись своей музыки, а городская молодежь ее подхватила. Появились сна-

чала фольклорные ансамбли Щурова и Покровского, а потом масса других, "заразившихся" народными исполнительскими стилями, подголосным распевом. И освоивший репертуар казачьих регионов Севера, Сибири, средней полосы России.

Сейчас обстоятельства вновь меняются. Пришло новое поколение молодежи, как бы сказавшее Щурову и Покровскому: "Мы так петь не хотим. Все же увас получился театр, актерство, а песня должна стать частью жизни".

— Но все-таки и та, прежняя, и нынешняя, новая фольклорная волна — в городах. А деревня больше молчит...

— Да, там песня "скрылась". Хотя кто остался сейчас в деревне? Миллионы людей ведь перебрались в города. Кстати, фольклористика знает еще одну закономерность: возрастную циклическую. То, что человек может делать в детстве и старости, он не может в зрелые годы. Песни, например, которые не зазорно петь девочке или старухе, не годятся или недоступны петь женщине в расцвете лет.

Меня порой удивляет выживаемость песни. Я ведь по-прежнему много занимаюсь народами Севера — уходящими, умирающими, сливающимися. Но если хоть одна семья уцелела, родились дети — то снова появляются песни, те самые, сохранившиеся в подсознании, генной памяти. Жизнь воспроизводит себя полюбимой сохранившейся единичной матрице.

Это проблема, которая меня как фольклориста — культуролога и социолога — очень волнует. Тейяр де Шарден сформулировал когда-то свой закон "прячущихся черенков". Смысл его в том, что жизнь, чтобы зародиться и продолжиться, должна прятать свои побег, свои молодые веточки. Идеально подходит к ситуации в фольклоре.

Аркадий ПЕТРОВ.

— Эдуард Ефимович, что происходит сегодня с народной песней? Жива ли еще устное народное творчество, не умирает ли оно под натиском современной культуры, звукозаписи, телевидения?

— Умирает и возрождается. Песня часто как бы уходит вглубь, скрывается. Она может замолчать на долгие годы, даже на десятилетия. Но в человеке всегда остается потребность творить "в устном режиме", реагируя на окружающие события тем именно способом, как было испокон веку — через музыку, пение. Все это крепко сидит в подсознании, в генной памяти и при благоприятных обстоятельствах вдруг "всплывает". Тогда, в зрелом уже возрасте, к 55 — 60 годам, человек вдруг начинает рисовать, петь... Откуда эта старушка взяла свои песни, где она их услышала? Очевидно, в дет-